

*Экран и сцена - 1998 -
фильм - абстракт. - (№30) -
с. 8-9.*

Ной

Фрагменты сценария

День был октябрьский, безветренный, пасмурный, еще теплый. Море — почти такого же цвета, как песок. Ну или песок — такого же цвета, как море. Пегий, блеклый.

У самой воды, в плетеном кресле с высокой овальной спинкой, сидел человек. Он сидел неподвижно, в несколько напряженной позе, выпрямившись, сжимая ладонями предплечья. Он сидел спиной к пляжу, лицом к морю, и потому можно было рассмотреть только его мощный затылок, крепкую загорелую шею (загар не курортника — абригена) и широкие, чуть вислые плечи, обтянутые серым грубошерстным свитером.

Человек был коротко острижен и сед. У ног его, на песке, лежала большая собака.

Женщина лет сорока шла по узенькой, отвесно спускающейся вниз улочке южного портового города. Улочка была застроена разномастными двухэтажными домиками — низкие балкончики, увитые плющом, ржавые наружные лестницы, окна, распахнутые настежь... Женщина шла медленно. Плечи ей оттягивал тяжеленный рюкзак, руки — два чемодана, перевязанных веревками. Девочка лет десяти шла рядом с ней. Девочка тоже несла рюкзачок, но руки ее были свободны от поклажи, в правой — пломбир, в левой — листок бумаги.

— Мама, вот! — сказала девочка, быстро сверившись с адресом, записанным на бумажке. — Пришли. "Ковчег".

— Открой дверь, — сказала женщина, подойдя к двери под вывеской "Гостиница "Ковчег" — У меня руки заняты, ты же видишь... Они вошли в дом и остановились в нескольких шагах от узкой лестницы, ведущей на второй этаж. Лестница была залита водой. Две женщины, подоткнув юбки, вытирали мокрые ступеньки. Третья, видимо, хозяйка, лениво перебривалась с полуголым мужчиной. Мужчина стоял этажом выше, облокотившись на низенькие перильца, придерживая у бедра банное полотенце, в которое он был завернут, словно в тогу.

— Ты посмотри, что ты наделал! — кричала хозяйка.

— Я заплачу, — басил мужик.

— А — заплачу! В ванне он, вишь ли, заснул! А если б ты в ней потонул?! Заснул он! Спать нужно ночью! В постели!

— Ночью я не спал! — возразил мужик, переходя в наступление. — У вас горячая вода — раз в неделю! Неделю грязный жоку! Ночью не спал, я ждал горячую воду! Ждал, когда горячая пойдет.

— Знаю я, кого ты ждал! — хохотнула хозяйка. — К тебе вчера пошла одна горячая! Очень горячая, десять долларов в час! В двадцать три двадцать вошла, в девять утра вышла! Будешь сюда шлох с набережной водить, я тебя в два счета...

— Здравствуйте, — сказала женщина с чемоданами.

— Мест нет, — отрубил хозяйка, едва взглянув на нее.

— Мы... — женщина помолчала, собираясь с силами. — Мы — беженцы, — сказала она. — Нам сказали, что вы берете...

— ?! — Хозяйка наконец повернулась к незваным гостям. — Это Ной берет.

— А разве он не здесь?.. Простите, я сяду. — Женщина опустилась на свой чемодан. — Ноги не держат. Мы трое суток в дороге... Нам дали этот адрес. — Она взяла листок с адресом из рук дочери. — Вот "Ковчег". Ной...

— Это они перепутали, — сказала хозяйка, глядя на беженку сочувственно. — Те, кто вам адрес давал. Все в одну кучу смешали. "Ковчег" — это моя гостиница. Чтобы Ной свою гостиницу "Ковчегом" назвал?! Что вы! Его Ноем-то окликнут — его всего передренет.

— Давайте сюда вашего Ноя! — забасил мужик весело. — Великий потоп я уже устроил!

— Пойдем, — сказала хозяйка беженке. — Девочка голодна? Покормить?

— Спасибо, мы сыты, — сказала женщина, поднимаясь с чемодана.

— Тоня! — крикнула хозяйка гостиницы, подойдя к соседнему дому, первый этаж которого был отведен под булочную. — Антонина! — она задрала голову к окнам второго этажа. — Сашка к Ною поедет сегодня?

— Хлебом пахнет... — прошептала девочка, прижавшись к материнскому боку. — Вкусно!

— Я ж говорю — голодная! — хозяйка бесцеремонно, по-свойски выдернула из рук только что вышедшего из булочной мужчины сдобную булку и протянула ее девочке. — Ешь, Тоня!

В окне второго этажа появилась наконец дородная тетка.

— Сашка к Ною поедет? — крикнула хозяйка гостиницы.

Сценарий куплен Российским телевидением. Запуск фильма в производство намечен на начало 1999 г. Режиссер — Тигран Кеосаян.

— Чего? — переспросила тетка.

— Глуха, как тетерев... — вздохнула хозяйка и объяснила беженке. — Сейчас Сашка, сын ее, к Ною поедет, лаваш ему повезет. Он вас подбросит.

— А разве у Ноя сами не пекут? — спросил мужик, лишившийся сдобы, миролюбиво наблюдая за тем, как девочка расправляется с его булкой.

— Пекут, — кивнула хозяйка гостиницы. — Но если у них народу битком, им своего хлеба не хватает.

— Значит, он нас не возьмет, — потускнела беженка. — Некуда.

— Возьмет! — обнадежил ее владетель сдобы, вынимая из кармана большое яблоко и вручая его девочке. — Он всех берет. Мировой мужик. Вот увидишь.

... — Николай!

Мужчина, сидящий в кресле у самой воды, наконец обернулся.

— Коля, Афины! — крикнула молодая женщина лет пятидесяти, торопливо сбегая с невысокой насыпи, отделяющей узкую полосу пляжа от асфальтовой полосы. — Афины, отец! Он через полчаса перезвонит... Пойдем!

Мужчина встал и пошел к ней, оставив кресло на прежнем месте. Он был рослый, чуть сутуловатый. Нестарый еще — лет пятьдесят, не больше.

— И там еще женщина с девочкой. Беженка... — жена шла рядом с ним, возвращаясь к насыпи. — Парнишка их привез. Который лаваш нам возит... Коля, милый, жалко ее, сердце разрывается, но куда? — говорила женщина торопливо, взволнованно. — Все комнаты заняты, ты же не будешь опять...

— Откуда она? — перебил жену Николай, поднявшись на насыпь.

— Беженка! С Северного Кавказа. Они в Ставрополе переехали, но что-то там не сложилось... Им дали наш адрес. Она — русская, из погранзоны. Мужа убили год назад. Коля, жалко до слез, но если ты опять...

Женщина запнулась на минуту. Они уже миновали полосу асфальта. Впереди, за невысокой оградой, стоял их дом. Их гостиница.

— Если ты опять постояльцев в другую гостиницу отсылать будешь... Как в прошлый раз... Чтобы для нее комнату освободить.

Николай покосился на жену хмуро. Собака бежала следом за ними, большая старая дворняга.

— Молчу, — вздохнула жена, открывая калитку. — Просто мы с тобой обанкротимся скоро, вот и весь сказ.

Гостиница стояла в глубине двора. Она была похожа на итальянскую трагторию — небольшой двухэтажный дом под плоской черепичной крышей, стены крашенные белой известью, деревянные ставни, широкая терраса, на которую выходили окна первого этажа. Кусты выветшили от солнца глициний росли у входа, у дорожки, посыпанной мелким гравием.

На террасе, за столом, покрытом полотняной скатертью, сидела дочь беженки. Гостиничная кухарка наливала ей борщ в широкую тарелку.

Беженка стояла у крыльца, прижавшись спиной к стене гостиницы. Она стояла, обхватив руками плечи и смотрела на приближающегося к ней хозяина. Она знала, что сейчас решится ее судьба.

— Здравствуйте, — сказала она сипло, отрывисто. — Вы — Ной?

— Здравствуйте, — ответил хозяин, подойдя к ней вплотную. — Меня Николаем зовут.

— Николай Харитонович, — добавила его жена, стоя за его спиной.

— Тебя кто привез? — спросил Николай. — Этот? — он указал на парнишку лет двадцати, вышедшего из гостиницы с пустой корзиной в руках.

Парнишка поклонился ему с подчеркнутым почтением и побегал к калитке. За калиткой стоял его старенький мотоцикл с коляской.

— Деньги брал с тебя? — спросил Николай у женщины, проводив парнишку долгим взглядом.

— Брал, — кивнула женщина растерянно. — Так ведь он довез...

Парнишка между тем достал из коляски мотоцикла еще одну корзину с лавашем, снова вошел во двор.

— А ну, иди сюда! — велел ему Николай негромко.

Парнишка двинулся к хозяину опасливо.

— Я тебя предупреждал? — спросил у него Николай. Парнишка молчал, потупясь. — Отдай, — приказал Николай. — Парнишка достал из кармана две скомканые бумажки и отдал их беженке.

— Ты у кого деньги берешь, сопляк?! — спросил Николай также негромко. — Парнишка молчал, прижимая к себе корзину. — Пошел вон!

Николай кивнул на калитку, добавил жестко:

— И хлеб забирай. Больше не привози.

Фильмы из курса "зарубежное кино" нам показывали во ВГИКе по утрам. Немудреная педагогическая хитрость: поставь им, остолопам, на 10.15. "Историю КПСС" — проспят, проскачуют. Скажи им: завтра, в десять утра, "Мама Рома" в третьем зале, — приползут, как миленькие...

С тех самых пор и до сего дня самые сильные кинопечатления моей жизни — утренние вгиковские просмотры, черно-белое старое кино, итальянское "нео" и "пост-нео" пятидесятых, шестидесятых годов. Сичу и смотрю сквозь полудрему: чужая жизнь, смуглолицые красавцы-альфонсы-умники-бездельники, лениво развалившиеся за столиками уличного кафе. Они, их верные жены и неверные любовницы, их громкоголосые, сварливые и чадолюбивые матери, их дети, их враги и друзья, их аферы, их романы, их драмы. Бульжные мостовые, тесные квартирки, площади, раскаленные от солнца, полуденная истома, короткие южные ночи. Ветер несет обрывки бумажных гирлянд, они летят над узкой улочкой, печальный Альберто Сорди в съехавшей набок карнавальной маске, — "Маменькины сынки". Крик Джельсомини. Дзампан-и-о-о, ее глаза, ее нелепая тельняшка и цилиндрик. Море, серый песчаный берег, женщины стирают белье. И — эта мелодия, очень простая. Нино Рота. Музыка на века. "Дорога".

Простая мелодия, простые истории. Любовь, ревность, обиды, ожидание счастья, тоска перед близкой разлукой, крушение надежд и новые надежды. Очень простое кино. Самое великое кино века сделано в середине этого века, в Италии. Именно там.

Повторить ничего невозможно. Бессмысленная затея, обреченная на провал. Я и не пыталась. Но эту свою историю, русскую историю, случившуюся в наши дни, в большом южном портовом городе, я все равно, про себя, для себя, называю "итальянской". Тайный пароль. Мое посвящение моему любимому кино. Ну, и определенный стилистический код, конечно. Впрочем, это уже подсказка для режиссера. Режиссеры, народ авторитарный, самодостаточный, подсказок не любят, поэтому — помолчу.

Чтоб тебя не видел.

Парнишка рывком метнулся к калитке. Хозяин перевел взгляд на беженку.

— Так могу... — начала она. Голос сорвался, она откашлялась, добавила хрипло, — могу надеяться?

— Николай! — из дома на террасу вышел крепкий еще старик, лет семидесяти. Он нес в руках телефонный аппарат со снятой трубкой, бесконечный телефонный провод тянулся за ним. — Коля, отец! Афины!

— Я могу рассчитывать? — беженка смотрела на Николая моляще.

— Зачем рассчитывать? Живи, — ответил Николай спокойно и просто.

Взбежал по ступеням террасы, взял телефон из рук старика.

Беженка охнула коротко, зажала рот рукой.

— Ну, что вы? — сказала ей жена Николая мягко. — Успокойтесь. Все же хорошо... Он вас берет.

Беженка закивала сквозь слезы, она уже не могла остановиться, плакала беззвучно, взахлеб. Девочка вскочила из-за стола, сказала:

— Мама, не плачь! Зачем ты плачешь? Стыдно!

— Не буду, — беженка вытерла слезы, взглянула на дочь, на хозяйку, стоящую на террасе, кричащего в телефонную трубку на чужом, непонятном, красивом языке. — На каком языке он говорит? — спросила она у жены Николая.

— На греческом, — ответила та, напряженно вслушиваясь в каждое слово, произносимое мужем. — Он с отцом разговаривает.

— Мама, море!!! — крикнула девочка ликующе. Она наконец увидела море.

— Ты только увидела? Да? — беженка рассмееялась сквозь слезы. Теперь, после горестного оцепенения, в котором она пребывала так долго, ей хотелось смеяться и плакать, говорить, задавать вопросы. — Ты только сейчас увидела?.. Она первый раз его видит... А вы понимаете по-гречески? — Она повернула к жене Николая счастливое, залитое слезами лицо.

— Немного, — ответила та односложно, прислушиваясь к разговору.

— Мама, пойду к морю! — девочка бросилась к калитке. — Можно?

— Ну, вот, — сказала жена Николая. — Теперь и мне в пору заплакать.

— Почему? — спросила беженка, вытирая слезы, глядя на дочь, бегущую к насыпи, к морю.

— Потому что понимаю по-гречески, — и хозяйка шагнула к террасе, к мужу, только что закончившему разговор, тяжело опустившемуся на лавку у стола и закрывшему лицо руками.

Был поздний вечер. Теперь подул ветер, море глухо шумело в темноте. Ной стоял у калитки, следил за тем, как шофер укладывает несесеры и сумки в открытый багажник такси. Супружеская пара, муж и жена, усаживались в машину.

— Еще раз приношу вам свои извинения, — сказал Николай.

— Я вам вот что скажу на прощанье, милейший! — мужчина выбрался наружу, взглянул на Николая зло. — Меня предупреждали, не скрою! Говорили — смотри, явится к нему какой-нибудь погорелец с котомкой...

— Аркадий, не заводись! Поехали! — крикнула его жена из машины.

— ... и тебе придется освободить номер! — шипел мужчина. — Предупреждали! Нет, рикнул! Польстился на то, что море рядом!

— Я же договорился с владельцем хорошей гостиницы, — перебил его Николай устало. — У вас будет такой же номер. Еще лучше. Вас отвезут, встретят. Деньги вам вернут... Плюс неустойка...

— Мой вам совет на прощанье! — процедил мужчина. — Вы уж выберите что-нибудь одно: или благотворительность, или гостиничный бизнес! Может, вам тут вообще приют открыть? Для сырых и убогих?!

— Меня оскорблять не стоит, — отчеканил Николай, поблдевав. — Не надо. Добром не кончится.

— ... Понятно, конечно, чувствовать себя Робин Гудом... — не унимался мужчина.

— Ноем! — поправила его жена весело. — Он — Ной!

— ... Только не за мой счет, ладно?! А то за ваше благородство своим отпуском плачу! Вами испоганенным!

— Еще раз прошу меня извинить, — сказал Николай, едва сдерживаясь. — Счастливо.

Он повернулся и пошел к дому, на секунду скрывшись, словно от боли.

На террасе, за накрытым к ужину столом, его ждали трое.

— Ну что, нахлебники? — спросил Николай, усаживаясь за стол.

— Приживалы, — поправил его старик с седой шкиперской бородкой, тот, что днем подал ему телефон.

— Иждивенцы, — вставил второй, благообразный старик, одетый со старомодным тщанием, не без щегольства. — Содержанным.

— Камни на твоей шее, слушай! — добавил третий, крепкий, кражистый армянин лет шестидесяти с лишним, открывая бутылку "Саперави".

— Ты сегодня ресторан закрыл, Коля? — благообразный старик, сидящий рядом с Николаем, взглянул на него внимательно. — Что-нибудь случилось? — Он покосился на открытые окна, соединяющие террасу с ярко освещенным рестораном зальчиком.

Первый этаж был отведен под ресторан, второй — под гостиницу. Сегодня в ресторане было пусто.

— Давай выпьем, — сказал Николай угрюмо, беря свою рюмку.

— Ну! — армянин поднялся из-за стола, держа свой бокал в руке. — Приживалы! Выпьем за нашего терпеливого хозяина, который...

Мерзкий писк мобильного телефона заставил его замолчать.

— Это Гоги ему подарил, — пояснил Николаю благообразный старик, посмеиваясь. — Раз сто уже звонил, проверяет, как работает...

— Да! — крикнул армянин в трубку, извлеченную из кармана куртки. — Да, Гоги, дорогой, хорошо тебя слышу! Очень хорошо, слушай! Как будто рядом сидим!.. Спасибо, дорогой! Обнимаю!

— Зачем сапожнику мобильный телефон? — меланхолично спросил старик со шкиперской бородкой. Он говорил с заметным прибалтийским акцентом, втягивая, не торопясь. — Зачем, кто мне скажет?

— Сапожник тоже человек, чухонская

ОТПЛЫВАЕТ”

твоя рожа. — заметил армянин добродушно, засовывая телефон в карман. — Если человек — мобильный, ему и телефон нужен мобильный, понял?

— А ты — мобильный? — уточнил прибалт. — А где ты видел армянина, чтобы он был немобильным?! — отпаривал тот, снова беря в руки бокал. — Это вы, чухонские рыла, живете, словно спите. Ты сегодня сколько умывался? А сколько ты расчесывался? Двадцать одну минуту! Нарочно время засекал!

— Завидуешь, что мне еще есть, что расчесывать, — хмыкнул прибалт невозмутимо.

— А бороденку свою подравнивал?! Сорок семь минут! Я за это время наголо обрелся, и у меня снова борода отрастет, слушай!

— Мы пить будем или нет? — перебил армянина благообразный старик. — ... А зубы ты сколько чистил? Девять минут! Засекал!

— Значит, мне еще есть, что чистить, — заметил прибалт бестрепетно.

— Это что, намек?! — возмутился армянин. Снова запищал телефон, он вынул его из кармана, приложил трубку к уху. — Да, Гоги! Да, дорогой. Нет, мы еще ее пьем. Собираемся. Что пьем? “Саперави”, дорогой... Хорошее, настоящее, Гоги. Клянусь! И крышку проверил, и этикетку, ты не волнуйся, дорогой.

— Гоги, опять в завязке, что ли? — спросил благообразный у прибалта. Тот кивнул. — Во-он он зачем нашему телефону подарил! — усмехнулся благообразный. — Самому — нельзя, так он хоть по мобильному выпьет. Сублимация процесса.

— Гоги хочет тост сказать! — объявил армянин, прикрыв трубку ладонью. — Говори, дорогой... Ай, хорошо!.. Гоги сказал: “За всеобщую телефонизацию!” Гоги хочет чокунуться с каждым! — армянин стукнул трубкой мобильного по краешку своего бокала, передал трубку прибалту. Тот, буркнув в трубку: “Гоги, мужайся! Будет и на нашей улице праздник”, повторил процедуру и передал трубку благообразному.

— Коля, что ты молчишь? — спросил тот, стукнув трубкой по своему бокалу и отдав телефон армянину. — Что-то случилось, я же вижу!

Выпили молча. Теперь все смотрели на Николая.

— Случилось, — сказал он наконец. — Плохие новости, — помолчал. — Леша... Ты у нас актер. Как там у Гоголя-то?

— Нас с чухонцем не спрашивает... — пробурчал армянин обиженно. — Мы с чухонцем — дремучие. Гоголя не читали, крестиком подписываемся.

— “Эх, тройка, тройка, кто тебя выдумал?” — спросил Леша. — В пятьдесят девятом, помню, в Волгодонске, Чичикова играл. Во втором акте накладное пузо под ноги — шмак! Зал лег...

— Из “Ревизора”, — сказал Николай, наливая всем по второй.

— “Я пригласил вас, господа”, — хмыкнул армянин. — Это даже мы с чухонцем знаем.

— Вот, — кивнул Николай. Обвел притихших стариков сумрачным взглядом. — Плохие дела. Хуже не бывает. Сегодня отец звонил. Говорит: чувствую, через полгода помру. К весне.

— Ва-ай мэ-э!... — протянул армянин. — Что ж ты молчал?! Мы тут треплемся... Мобильный-мобильный...

— Отец велел: продавай гостиницу, пакуй вещи, приезжай, принимай дела, — добавил Николай. — Гриша не справился. На тебя вся надежда.

— Это кто — Гриша? — спросил прибалт.

— Колин брат старший... — пробормотал армянин подавленно, — тебе говорил, маразматика, ни черта не помнишь... У Колиного отца большой бизнес в Афинах, два консервных завода. Да, Коля?

— Да, — кивнул Николай. — Отец сказал: приезжай, принимай семейное дело, тебя успею всему научить. Гриша не справился.

Старики молчали убито.

— Может, обойдется? — спросил Алексей с надеждой. — Поправится?

— Нет, — отрезал Николай. — Ему девять лет. Он всегда знал, что делал. Что говорил... Если сказал: умру через полгода, — значит, так оно и будет.

— Ну, Андрио? — Алексей взглянул на прибалта невесело. — Опять с тобой по миру пойдешь?

— Никуда вы не пойдете, — возразил Николай твердо. — Будете здесь жить. Будете жить, как жили, пока еще не знаю, как это сделать... Но придумаю. Что, Аня?

— Там Миша пришел, — тихо сказала жена, только что подошедшая к столу. — Колин племянник пришел, — добавила она, глянув на стариков.

— Пусть идет к нам! — пожал плечами Николай.

— Коля, он — с глаза на глаз. Он тебя на кухне ждет.

Племянник Николая, смуглый красавец лет тридцати, с лицом интеллигентным, породистым, холеным, сидел на огромной гостиничной кухне, у края длинного стола, подбрасывая на ладони луковичу.

Николай подошел к нему. Племянник вскочил. Они обнялись.

— Ты чего здесь? — спросил Николай. — Пойдем к нам!

— Дядя Коля, едем? — спросил племянник возбужденно, весело.

— Едем, — Николай покосился на кухарку, вымешивающую огромный ком теста на другом краю стола. — Все едем. Я, Аня моя, ты с женой, дети...

— Ну, и слава богу! — кивнул племянник все с тем же радостным возбуждением. — Рад, не скрою. И отец будет рад. И дед. Будем все вместе! Черт, надо язык учить...

— Я тебе всегда говорил, лентяю, учи! Катя, ты чего реешь? — спросил он у всхлиывающей кухарки.

— Вы же знаете, — Катя вытерла глаза рукой, выпачканной в муке. — Вы уезжаете... Как мы без вас?

— Катя, ты выйди, пожалуйста, — велел ей Миша. — У нас разговор.

Кухарка вышла из кухни. Николай сел на лавку рядом с Мишей.

— Значит, ты рад, — сказал он глухо. — А мне вот — выть хочется. Как все это брошу?.. Ладно. Делать нечего. Слово отца — закон. У нас с тобой — месяц на сборы.

— Я как раз поэтому пришел, — Миша серьезнее. — Что уж — сразу. Дядя Коля... — Он помялся. Выпалил, решившись. — У меня есть сын.

Николай взглянул на него изумленно.

— Ну, кто без греха... — Миша отвел глаза. Стиснул луковичу в ладони. — Четыре года ему... Гришка. В честь отца назвал. В честь вашего брата.

— Брат знает? — быстро спросил Николай.

— Нет. Николай не знает. Вам первому говорю, его усыновил, он нашу фамилию носит, подумал: понадобится ее разрешение на мой выезд?

— Чье разрешение? — не понял Николай.

— Матери моего сына... — пояснил Миша вымученно. — Есть же вроде какие-то правила на этот счет... Бюрократические...

— Ты с ней уже говорил? — спросил Николай.

— Я с ней уже два года не разговариваю, — Миша снова отвел глаза. — Мы поссорились. Два года назад.

— Что-то не пойму... — Николай взглянул на него озадаченно. — Так ты что... Ты сыну-то помогаешь? Деньги даешь?

— Я пытался два... Да, два раза, — пробормотал Миша, изнывая от стыда. — Она не взяла... Ну, и... Больше не пробовал.

Николай встал. Прошелся по кухне. Пожегил зябко, растер предплечья ладонями.

— Денек! — сказал он наконец. — Денек сегодня! Сначала — отец, теперь — ты...

— Черт меня дернул его усыновить! — промямлил Миша.

— Да это единственное, что ты сделал, как надо! — крикнул Николай, взорвавшись. — Единственное!!! Встань!!!

Миша вскочил растерянно.

— Что ты луковичу емешь, дай сюда! — Николай отнял у него луковичу и швырнул ее в угол кухни.

— Коля... — перепуганная жена Николая заглянула в кухню.

— Аня, уйди! — рявкнул Николай. Подошел к Мише. Стиснул в кулаках отвороты его куртки. — Что ж ты делаешь-то? — теперь он говорил быстрым злым шепотом. — Разве так мужики поступают?! Что твой отец, мой брат, скажет?! Сделал ребенка на стороне — изволь его содержать! Хоть на первых порах — помоги! Что ж ты род наш позоришь?!

— Ладно вам, дядя Коля... Род! — поморщился Миша, как умея, маскируя свой стыд и растерянность. — Вы же не знаете всех обстоятельств. Род! Вы прямо как в индийском кино... “Сангам”! “Месть и закон”, ей-

богу...

— Дай мне ее адрес, — Николай отпустил его. Отдышался.

— Вот, — сказал Миша с облегчением, доставая из кармана вчетверо сложенный листок бумаги, — заранее написал.

— Я сам к ней пойду. Поговорю, — буркнул Николай, взяв листок. — Иди домой. Смотри жене не бражки!

— Если четыре года молчал... — начал Миша.

— Иди отсюда! — перебил его Николай зло.

Миша молча вышел из кухни. Николай постоял, успокаиваясь. Развернул листок. Пробежал его глазами. Вышел из кухни. Толкнул входную дверь

— Эй! — окликнул он племянника. — А как ее зовут?

— Нина, — ответил тот, не оглянувшись. И вышел за калитку.

Николай вошел в маленький старый двор. Классический старый двор южного приморского городка: деревянные двухэтажные дома лепились один к одному, вдоль линии второго этажа тянулася сплошная галерея.

— Ной! — окликнули Николая. На галерейке, у колченогого стола, сидела незнакомая ему мужская компания.

— Мама родная, кого вижу! — ликующе возопил пьяненький субъект, кубарем слетая с лесенки. — Кто к нам пожаловал! Ты меня помнишь?

— Нет, — Николай ловко увернулся от распахнутых объятий. — Слушай... Где тут двенадцатая квартира?

— Щас покажу... — субъект, приобняв Николая, повел его вправо, треща на ходу. — Как же ты меня не помнишь, я же Петя Щербачук! Ты ко мне в ателье двух душанбинских русских пристроил! Вспомнил? У тебя какой размер? Пятьдесят второй? Жора! Тащи сюда пальто пятьдесят второй! Пулей!..

— Какое пальто? Зачем? — удивился Николай, подходя к угловому подъезду.

— Пальто тебе подарю. Я ж закройщик! Ты знаешь, какой закройщик? Ни один еврей так не шьет, как Петя шьет! Будешь носить!

— Не надо, — сказал Николай, внимательно приглядываясь к груде пустых ящиков картонных, лежащих рядом с подъездом, у стень угольного сарая. — Не надо, у меня есть.

— Подарок, Ной! Мой подарок! — верещал Петя. — Носи! Тебя, конечно, спросят: “Ной, кто тебе пошил такое шикарное пальто?” — Ты скажешь: “Петя Щербачук, Портовая, двадцать.”

Петя замер на полуслове. Теперь он смотрел туда же, куда глядел Николай.

— Опять убили, — сказал Петя с мрачной торжественностью. — Среди бела дня! Сиделия, моя твою! Дожили!

Из груды пустых картонных ящиков торчали чьи-то ноги. Женские или мужские — неясно. Светлые джинсы, кроссовки.

— Не тронь, — сказал Петя, — милицию вызову. Жора, звони ментам!

Жора, несущий на растопыренных руках черное двубортное пальто, остановился в замешательстве. Николай молча подошел к ящикам, осторожно разгреб груды. На земле, прижавшись спиной к стене угольного сарая, сидел парнишка в джинсах и джинсовой курточке. Клетчатая кепка съехала ему на нос.

— Мама родная, Нинка! — ахнул Петя Щербачук. — Где же это она так налилась?! Это она, значит, до дома не дошла, о сарай спиной ахнулась, а ящички на сарае лежали, они ей на башку посыпались. Чума!

Парнишка открыл глаза. Поправил кепку. Теперь стало понятно, что это — молодая, хорошенькая, темноволосая, стриженная под “каре”. Увы, изрядно невесть где набравшаяся.

— Который час? — спросила она у Ноя вполне светски, озираясь по сторонам сонно.

— Пальто мерить будем? — Жора, стоящий за спиной Николая с черным пальто в руках, покашлял деликатно.

Николай молчал, глядя на незнакомку с гадливой жалостью.

— Ты двенадцатую квартиру искал? — и Петя Щербачук кивнул на сидящую на земле даму. — Ну, вот она, двенадцатая.

— Спасибо, дальше сама... — пробормотала хозяйка двенадцатой квартиры. Николай только что прислонил ее к стене парадного ряда с дверью под номером “12”. — Идите. Вы же куда-то шли.

— Мальчик дома? — Николай протянул руку к дверному звонку.

— Н-нет, — она едва держалась на ногах. Сползала по стене вниз, пыталась устоять из последних сил. Она была похожа на шестиклассника из хорошей семьи, впервые выпившего на спор бутылку розового крепкого. Вообще, во всем ее облике было что-то мальчишеское, угловатое, пацанское. — Он у подруги. А откуда вы знаете про...

— Ключ давай, — он старался на нее не смотреть.

— Ключ? Ш-щас... — она опять сползла вниз, но устояла. — А он в сумочке. А сумочка... Где она? А я ее потеряла.

Николай отошел на несколько шагов, разбегаясь — и налетел на дверь.

— Здорово! — воскликнула хозяйка квартиры. — Еще раз! Сильнее! У вас получится. Там... Ой, как голова болит! Там замок — на соплях...

Николай снова разбежался, ударил дверь плечом. Дверь распахнулась. Он выдрал замок “с мясом”.

— Класс! — хозяйка квартиры хлопнула в ладоши. — Т-теперь можно сходить за запасным ключом. Он в тринадцатой, у соседки. Ой, как голова...

— Сейчас пройдет! — он втащил ее в квартиру. — Где ванна?

Он волок ее, как куль с мукой, озираясь по сторонам. Нашел ванную комнату, втащил ее туда, наклонил над ванной.

— У в-вас столько хлопот со мной... — бормотала она стесливо. — Даже как-то неловко. Ой, холодная!

— Ничего! — он сунул ее голову под открытый кран. — Тебе полезно. Вот так. Ну? — он снял с крючка полотенце и растер им ее мокрые волосы энергично, с силой. — Протрезвела? Терпеть не могу пьющих баб, знаешь ли!

— Я т-тоже! — кивнула хозяйка квартиры. — Может, вы меня еще причешете? — добавила она не без издевки.

— Протрезвела... — он взял с подзеркальника расческу. — Где сын?

— У подруги. А вы откуда знаете... Вы кто?

— Что ж у тебя челка-то кривая? Кто тебя стриг? — он взял с подзеркальника ножницы, и, недолго думая, подравнял ей челку.

— Вы, как я, — усмехнулась хозяйка квартиры. — Если вижу, что что-то не так, у меня тоже руки чешутся поправить!

— Разговорилась! — буркнул он неприятно. — Очухалась, смотрю!

— Может, вы мне еще маникюр сделаете? — спросила она ехидно.

— Перебьешься, — Николай вышел из ванной. — Простишь, и иди за сыном.

— Может, вы мне еще замок врежете? — хозяйка шла следом.

— Я б тебе самой врезал, — пробормотал Николай, поднимая замок с пола, несколькими ударами кулака водворил его на место.

— С превеликим удовольствием. Сегодня ночью у подруги. Завтра приду, починю. Что-бы завтра сын был дома.

— А вы кто? — спросила она с растущим интересом.

Он молча шагнул за порог и сбежал вниз по лестнице.